



4 кругозор 67



**Действительная суть  
Коммуны не в том,  
где ее ищут  
обычно буржуа,  
а в создании особого  
типа государства.  
А такое государство  
в России уже  
родилось,  
это и есть Советы  
рабочих и  
солдатских депутатов!**

**В. И. ЛЕНИН.  
Апрельские тезисы.**

**Социалистическое  
общество поднимает  
гражданское  
достоинство и честь  
человека, ставит  
перед людьми самые  
благородные цели  
и создает  
все условия  
для сознательного  
творчества масс  
во имя построения  
коммунизма.**

Из Постановления ЦК КПСС  
«О подготовке к 50-летию  
Великой Октябрьской  
социалистической революции».

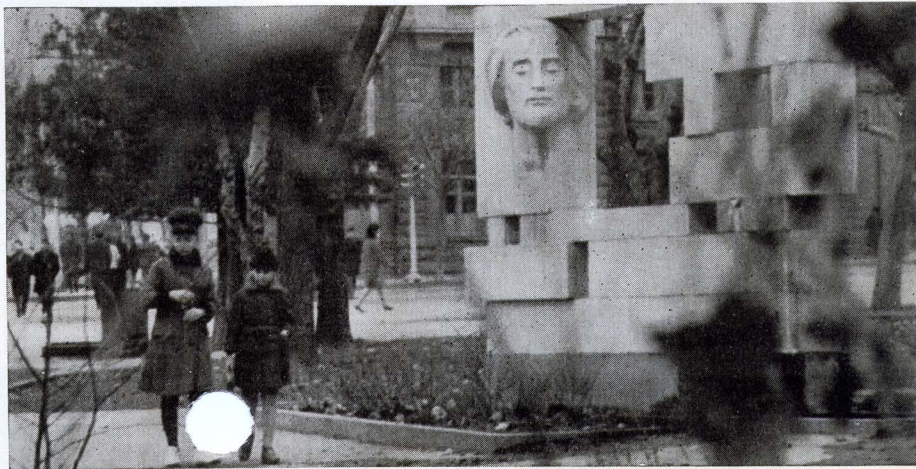
Планат художника  
А. Страхова.  
1924 год.

*Ульянов (Ленин)*

Ты,  
Древняя страна Наири,  
Ты — грань веков,  
Встала, ликуя, ты  
На радостный зов!  
Железная птица, ты,  
Древняя страна Наири,  
Встала в лучах зари!

Ереван.  
Музыкальная  
школа имени  
Саят-Новы.

# СТО ЛЕТИА МУЗЫКИ



У Ованеса Туманяна есть стихи: «Армянское горе — безбрежное море, пучина огромная вод; на этом огромном и черном просторе душа моя скорбно плывет».

О судьбе Армении говорили мне не только поэтические строки, переведенные Валерием Брюсовым, но и рукописи Матенадарана, рукописи, спасенные во время бед и изгнаний. Манускрипт, украшенный золотыми, пурпурными, лазоревыми миниатюрами. Края его обгорели: когда-то его выхватили из пламени пожара... Это евангелие долго путешествовало по белым, спаленным солнцем дорогам Анатолии, рядом с нагрудным крестом хозяйина-скитальца.

Остатки рукописей X века... От каких варваров спрятали их некогда в одной из Ахпатских пещер? Я рассматриваю самую древнюю в мире таблицу четырех арифметических действий, слушаю стихи средневекового поэта Григора Нарекаци и, наконец, вижу то, что меня интересует больше всего: «Шаракан» — 1308 год, «Манрусум» — 1273 год.

На первый взгляд книги как книги. И шрифт такой же... Но если взглядеться, то увидишь дополнительные знаки, которые как бы выются вокруг строк. Это записи старинных армянских песнопений, сделанные хазами. Существовала такая запись примерно с IX до начала XV века, а потом ее разучились читать. И вот теперь в хранилищах Матенадарана беззвучно лежит армянская музыка нескольких столетий.

А рядом, в консерватории имени Комитаса, в зале филармонии, в оперном театре музыка не умолкает. Афиши сообщают: фестиваль лауреатов всесоюзных и международных конкурсов, выступает ансамбль танца Армении, исполняется «Реквием» Берлиоза, балет Э. Оганесяна «Вечный идол», концерт камерной музыки. Бах, Моцарт, Вивальди...

— Самый популярный из старых мастеров у нас, пожалуй, Вивальди, — рассказывает мне руководитель камерного ансамбля Зарэ Саакянц. — В музыке — его здоровое мироощущение, даже в траги-

ческом нет нотки болезненности, расслабленности.

Мне понятно, почему Вивальди близок армянам, почему близок он народу, который сквозь кровь и пожары смог пронести, уберечь свою музыку, свою грамоту, душу живую. Уберечь ее для поколения, которое об армянском горе знает лишь из древних рукописей, книг, сказаний.

В музыкальной школе имени Саят-Новы спрашиваю учеников, почему они хотят стать музыкантами, какую музыку больше всего любят. Алла Заргарова хочет стать учительницей музыки, Ира Мурадян любит «Аппассионату» Бетховена, Марине Осиповой нравится скрипка. Атанес рисует несколько шестнадцатых нот, быстрых, стремительных шестнадцатых — такой у него характер. Тарлаян Тиграну объясняет: «Школа носит имя Саят-Новы потому, что он в песнях своих рассказывал о жизни армянского народа». И почти в каждом ответе — Бах, Мо-

Окончание на 4-й странице.

1917



1967

С архитектором Спартаком Хачикяном и его друзьями я познакомился в 1962 году. Тогда это были совсем молодые ребята, недавно окончившие институт, только что создавшие и отстаивавшие после долгих споров первую большую самостоятельную работу — проект нового и очень интересного города.

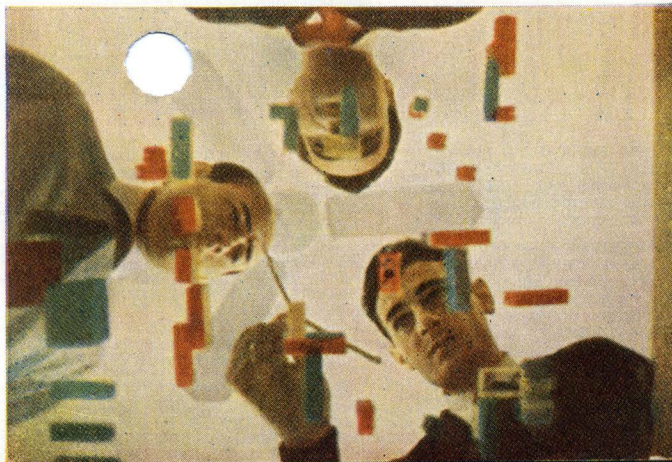
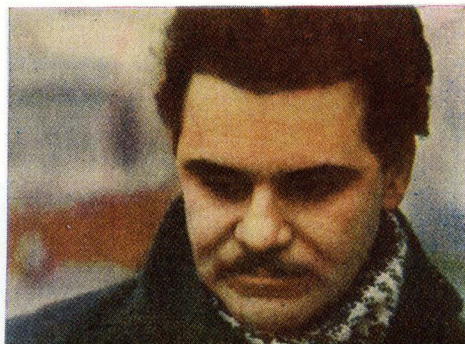
Почему отстаивавшими? Ну, хотя бы потому, что дома в этом городе были задуманы в двенадцать, шестнадцать, восемнадцать этажей. Сейчас этим никого не удивишь. Но тогда каким кощунством казалось некоторым отступление от единой четырех- или пятиэтажной формулы! А молодые архитекторы из «Армгоспроента» создали свой, компактный, не растянувшийся на многие километры город. Город высокий и стройный, как юноша.

Прошло пять лет. Здания, выстроенные по проектам Спартака Хачикяна, Артура Тарханяна, Грача Погосяна и их товарищей, встали в Ереване, в молодом Севане и других городах республики.

Многоэтажные, наполненные солнцем.

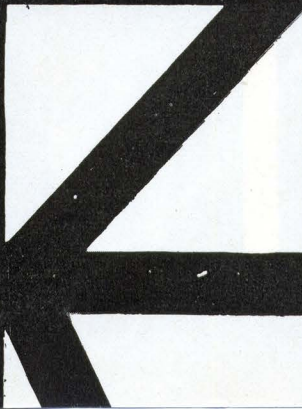
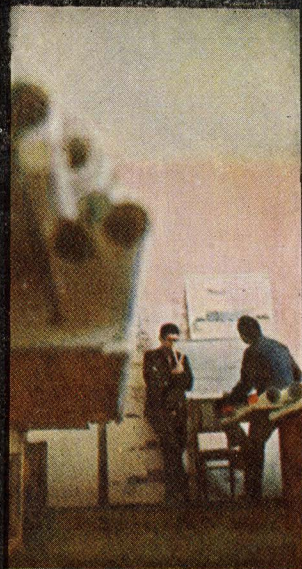
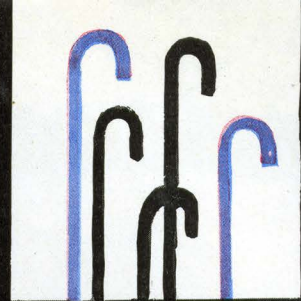
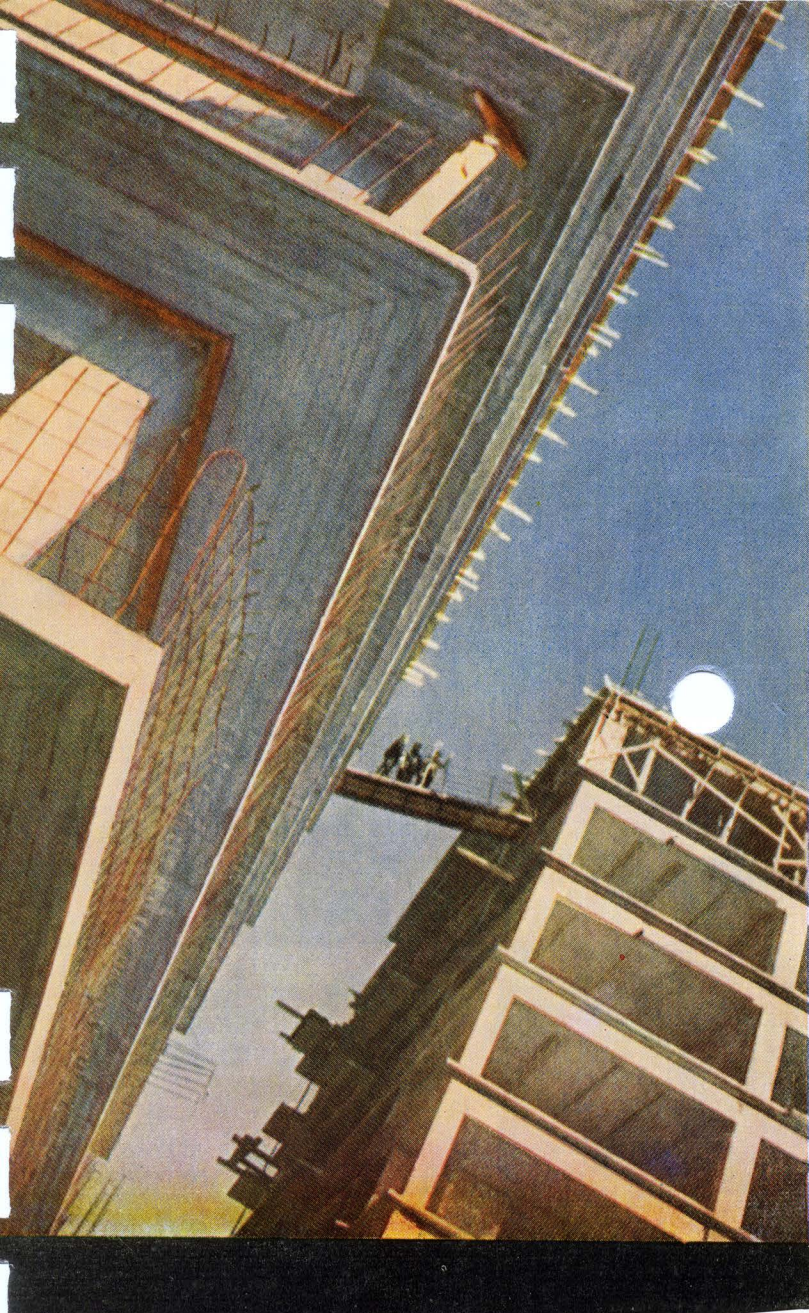
Об этих домах и их авторах — фотоочерн Алексея Лидова.

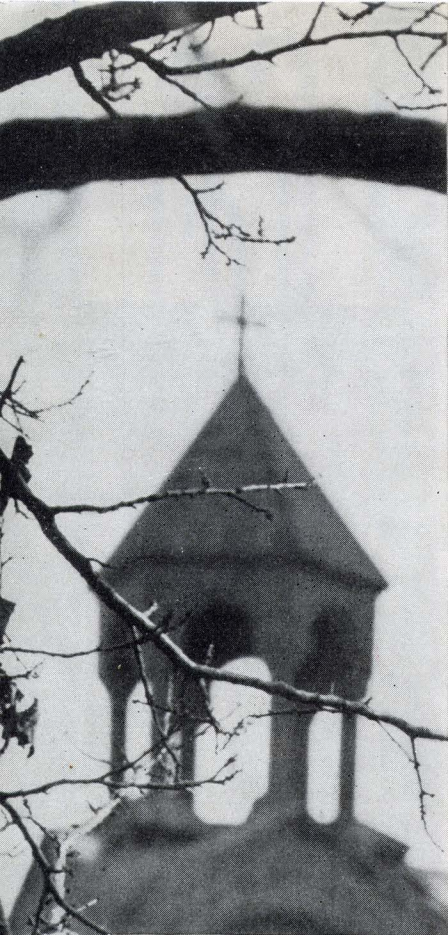
Е. ХРАМОВ



- *Руководитель мастерской Спартак Хачикян.*
- *Архитекторы и будущий город.*
- *Все выше, и выше, и выше... Новый дом на улице Саят-Новы.*
- *Муки творчества.*

ЭТАЖИ И СОЛНЦА





*Окончание. Начало на 1 странице.*

царт, Вивальди, Хачатурян. Опять Вивальди.

— Как-то мы выступали в Каджаране, городе горняков,— продолжает Саакянц.— Еще недавно это было захолустье, ближайшая железнодорожная ветка лишь до Кафана, а дальше надо ехать на машине. Горняки слушали нас с интересом. Перед каждым произведением рассказываю о нем, провожу параллели: менуэт и наш армянский танец кочари — у того и другого много вариантов от простого деревенского до изысканного, придворного. Горняки подметили, что виоль д'амур по звучанию напоминает кеманчу. Попросили сыграть на нем несколько армянских мелодий. А сегодня жизнь нашего жанра—это, по-моему, соединение современных тенденций с национальными. Мне, например, кажется, что язык Шостаковича силь-

но влияет на наших композиторов, быть может, оттого, что лаконичность, скупость, порой угловатость его соответствуют духу древней армянской мелодии.

— Национальное, конечно, не только в мелодии,— говорил мне потом молодой композитор Эмин Аристакесян, — а в стиле, в мышлении, в духе самой музыки. Например, «Спартак» Арама Хачатуряна. Там только одна народная тема, но от всей музыки веет национальным духом.

Мы встретились с Эмином в балетном классе театра. Здесь Евгений Чанга готовит к постановке его балет «Прометей». Пона все еще в наметке: декорации в эскизах, музыка в фортепианном звучании. Стараясь себе представить, как это будет.

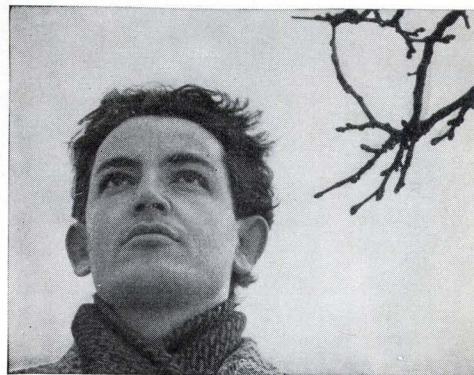
Музыка Армении. Она звучит уже три тысячи лет, она окружала меня все дни, что я была в Ереване. Убирая, напевала горничная.

**СТО**

**ЛЕТ**

**МУЗЫКИ**

- Певца Лусинэ Закарян.
- Композитор Эмин Аристакесян.
- Зарэ Саакянц.



Быть может, эта мелодия такая же древняя, как Ереван, ровесник Рима и Вавилона. Пробегая с перекинутым, как полотенец, через руку лавашем, мальчишка пел «Ереван, мой Ереван», — о городе с сиренево-розовыми стрелами проспектов, бассейнами и памятниками.

**Л. КРЕНКЕЛЬ,**  
специальный корреспондент  
«Кругозора»

Ереван.

*На звуковых страницах 5, 6, 7—  
музыкальная панорама Армении.*

КОММУНИСТ—

ЭТО

БОЕЦ



Жанетт ТОРЕЗ-ВЕРМЕРШ, член Политбюро ЦК ФКП

В 1929 году я впервые увидела Москву. Ехала в СССР через Негорелое, под деревянной аркой с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На праздник Октября в советскую столицу меня делегировали текстильщицы. У нас во Франции это было время крупных забастовок в защиту заработка, против воротил текстильной индустрии. Я росла в семье потомственных ткачей, где было девять детей. Еще девочкой слышала рассказы о русской революции, как ее называли тогда во Франции. Среди рабочих шел сбор средств для Советской России, и я видела, как мать вносила деньги «на революцию». Позже, уже став молодой работницей, я, помнится, с утра до вечера распевала революционную песню «Инсургент»:

Он — инсургент, он — человек,  
Он от ярма ушел навек,  
Он только разуму покорен  
И солнцем знания озарен.  
Алеет ясный небосклон,  
И мир пред ним лежит просторен...

Хотя песня была французской и написал ее Эжен Потье, но когда я пела, передо мной была Россия.

И вот я увидела ее наяву.

Я приехала без всякого багажа. У меня не было чемодана, а если бы он был, то туда нечего было бы положить. И вот в Ленинграде одна работница подарила мне свою блузку. Думаю, что она была извлечена из старого приданого. Ее наверняка ткали в прошлом веке, она была мне явно велика. Но до конца своих дней не забуду эту блузку.

Я побывала в Свердловске и в Нижнем Тагиле. Мы знали, что на одном из заводов были перебои с хлебом. Но рабочие встретили нас улыбками. Им не хватало хлеба, однако они были уверены, что завтра он будет.

Вспоминаю, как присутствовала на партийном собрании одной из московских заводских организаций. Принимали в партию. Я была поражена тем, что на собрание пришли все рабочие, в том числе и беспартийные, а также вопросом, который был задан вступающему в кандидаты одной женщиной. Она ему сказала: «Вот ты, товарищ, пещь. На днях ты избил свою жену и считаешь, что можешь быть коммунистом?» Мне показа-

# И МИР ПРЕД НИМ ЛЕЖИТ ПРОСТОРЕН

лось, она говорила от моего имени. Я с горечью вспомнила, как пил мой отец.

В Москве я впервые встретила Мориса Тореза. Он только что вышел из тюрьмы и приехал в СССР. Он был верным другом, пожалуй, даже больше, чем другом, — братом народов СССР.

В 1935 году в Москве проходил Конгресс Коммунистического Интернационала. Хорошо помню патетическое звучание Конгресса. Черное пламя фашизма охватило Италию, Германию, некоторые страны Центральной Европы, и перед нашими партиями встал вопрос, как противостоять чудовищной угрозе, нависшей над миром. Мы приняли резолюцию о необходимости борьбы против фашизма. Выполнять ее нам пришлось в тяжелейших условиях 1940 года.

А тогда, в тридцать пятом, меня поразило и другое. Как-то шла я одна по московской улице и вдруг увидела в витрине продовольственного магазина настоящий сыр, который заменил за стеклом деревянный муляж. Появились овощи, уже можно было купить ткани, обувь, другие вещи, необходимые в быту. Я плакала, как ребенок, и говорила себе: «Вот наконец и плоды героических усилий». Я была счастлива. Шла вторая пятiletка...

Обстоятельства сложились так, что я находилась в СССР во время Великой Отечественной войны. Не могу говорить о фронте, я там не была. Но у меня до сих пор звучит в ушах голос диктора московского радио: «...после упорных боев наши войска оставили...». Стиснув зубы, сжав кулаки, народ противостоял этим ударам. Я видела эвакуацию заводов. Видела, как рабочие трудились под открытым небом, на морозе, под дождем. Женщины и дети... Какую работу они выполняли!

Когда после XXIII съезда КПСС, где мы представляли французских коммунистов, я услышала в концерте «Рязанскую мадонну» в исполнении Людмилы Зыкиной, то вновь встал передо мной образ советской женщины, и я почувствовала, как крепнет наша воля, решимость не допустить войну и несчастья, которые она несет людям.

На первой звуковой странице Жанетт Торез-Вермери рассказывает о том, какую роль играла в ее жизни боевая, революционная песня...

# ПРОИЗВОДСТВО

Д. И. Блохинцев: «Ученого характеризуют не титулы, а деятельность. Особенность этой деятельности — творчество. Ибо наука — то же искусство. Поэтому ученый должен быть человеком с широким спектром познаний».

Не опровергая этого тезиса, нам хочется все же напомнить, что Д. И. Блохинцев руководил Объединенным институтом ядерных исследований (должность эта выборная). А в прошлом году советского ученого избрали президентом Международного союза чистой и прикладной физики.

Двери дубнинского домика всегда открыты для каждого, кто нуждается в совете, кого волнуют самые житейские проблемы. Спектр увлечений ученого: лыжи и фотография, горы и стихи. Но есть одна страсть у Дмитрия Ивановича, о которой даже в Дубне знают немногие: он часто и увлеченно рисует. Его работы впервые публикуются журналом.



Д. И. БЛОХИНЦЕВ,  
член-корреспондент Академии  
наук СССР



В современном мире развитие познания носит цепной характер: от поколения к поколению знания умножаются на коэффициент больше единицы. В будущем производство вещей будет играть меньшую роль в жизни человеческого общества, чем деятельность, которую можно назвать исследова-

тельской. Я бы сказал так: производство необходимых вещей, вероятно, будет самым маленьким цехом в огромном заводе человеческого творчества; главные усилия будут направляться на эксперимент.

Прогресс в науке — это «драма идей», которая начинается с того, что ученый убивает свои собственные идеи. Непрерывно. Если выразиться более прозаично, то мы работаем в основном на корзину. Многие туда бросается, и лишь что-то очень небольшое остается. И вот это «что-то» проходит разные этапы самоутверждения.

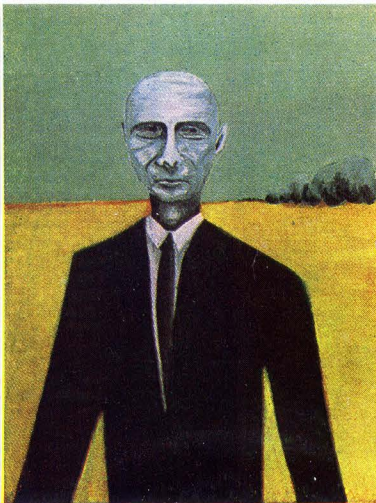
Прежде всего это теоретические обсуждения, где научная ценность

**Портрет французского физика Луи де Бройля.**

**Луи де Бройль: «Физический мир характеризуется крайней сложностью, бросающей вызов нашему пониманию...»**







**Портрет американского физика Роберта Оппенгеймера.**

идей, их социальный характер, философская суть завязаны в один узел. Все надо доказать, объяснить, заставить других поверить в

## **П О З Н А Н И Я**

ценность мысли. И только потом дается «добро» на эксперимент. А эксперимент — деньги, и большие (мы всегда об этом помним).

Хочу ответить некоторым моим оппонентам по поводу больших затрат на строительство чудовищно громадных ускорителей (это относится и к другим областям исследований). Мне кажется, в сущности, дело заключается в таком радикальном различии. Когда речь идет о производстве вещей, практическом освоении мира, экономический вопрос очень важен. Другое

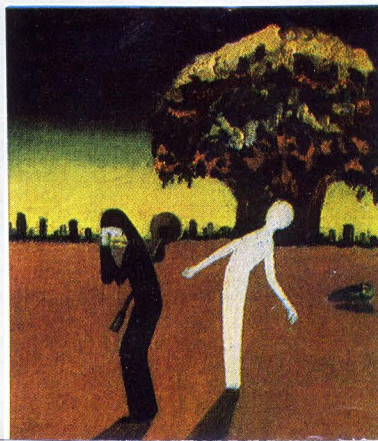
**Р. Оппенгеймер: «Мы сделали работу за дьявола».**

дело — познание мира. В этом случае экономический эффект предсказать обычно невозможно.

Вспомним, что даже в очень тяжелые первые годы Советской власти Ленин уделял большое внимание науке. Создание наших институтов можно считать почти чудом, если учесть экономические возможности молодой республики. Физико-технический институт в Ленинграде, лаборатория Павлова, Военно-воздушная академия имени Жуковского, ЦАГИ — эти центры науки были зародышами того, чем располагает ныне Академия наук СССР. В те годы, помнится, мы шли и продавали на рынке кожанку, покупали карбюратор, чтобы поставить, например, на самолет и посмотреть, что из этого выйдет. А история создания первых ракет? Это ли не чудо!

Уже в начале тридцатых годов в советском журнале «Джорнэл физик» (он выходил на английском языке) печатались такие ученые, как Дирак и Пайрлис. К нам приезжали на конференции Нильс Бор, Пайрлис, Вильямс и другие выдающиеся ученые. Если вычеркнуть трудные годы войны и послевоенный период, когда физики были заняты чисто прикладными проблемами, то следует признать: советская фундаментальная физика достигла значительных результатов за очень короткое время.

*Продолжение рассказа Д. И. Блохинцева слушайте на третьей звуковой странице.*



Слушайте  
на  
четвертой звуковой  
странице  
Леонида  
Леонова:  
«О большой  
щепе».



## НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО ПРОИСХОДИТ НЕ ИЗ РАСКОПАННЫХ КЛАДОВ

сотенными бумажками сплошь, не из золотых, по пуду — самородков. Помимо безответного, бывает — круглосуточного и поголовного труда, как в минувшие легендарные наши полвека, оно складывается из дополнительных усилий и труднейшей сверх нужного на дневное пропитанье. Закон этот обязательен даже при неисчерпаемых рудных недрах, при подземных океанах нефтяных. Жир простонародного зажитка является как бы наградой за своевременно залатанные мешки, за спасенный из грязи, на чурбане выпрямленный гвоздь вместо потраты свежего, — за охапку сочной травы из ничейной канавы, по дороге домой — «у калитки-то, поди, кормилица встренет!» — за всякие размельчайшие, с малых лет впитанные, вовсе не зазорные привычки вплоть до экономного ношения штанов, покупаемых покамест на родительское средство. Тут и скопидомство не грешно,

когда б с умом да не в ущерб родной матушке Родине!

Благодеяние нации обеспечивается воспитанием юнцов в духе сурового и безусловного благоговения к наследию дедов — от мемориального камня даже и с крестом, поскольку были незнакомые с трудами Гольбаха и Маршалля! — до целомудренного, полностью еще не осознанного догмата — считать божьим телом даже плесневую черствую корку. Не зря пренжие-то старики ревниво следили за каждой упавшей со стола крупицей, чуть что — ложкой в лоб!.. И полнососу счет да почесть на политой крестьянским пѳом ниве! Нас с пристрастием учили так с хлебной крошкой обращаться, чтоб не стыдно было перед дождиком и солнышком, которые трудились над нею в одном хомуте с савраской...

С возрастом эти навыки детства закрепляются по возможности ранним мускульным ощущением потребляемой ценности, то есть чувством человеческого труда, потраченного на ее создание. Всплыванию это поможет народу в целом сбланировать худо и добро исторической судьбы, зиму и лето континентального климата! Сколько помнится, в старину у подрядчиков толь, электропровод да помянутый гвоздь на стройках не валялись, — верно, из опасения сквозь подошву пораниться. Так вот и получается, что нынче и гривенник ничем, а в те смешные времена, помимо копейки, чеканились и монетка половинного достоинства и даже полгроша, под забытым ныне названием полушка.

А не к лицу нам вроде забывать свое недавнее прошлое, откуда вышли на простор неслыханных нынешних идей. При всяком удобном случае воспевая любимый город Москву, ее вечера и окрестности, мы не вспоминаем неслышного ее ревнителя, даже в учебных примечаниях не помняемого, некоего Ивана Калиту, который по пяти, чуть заведется денежка, скупал у соседних ухарей да хвастунов эту подмосковную землицу. Устройте викторину среди школьников, многие ль слыхали про таконого? А это нельзя, опасно отстраняться от истории отцов, будто ничего там не случилось, кроме исчадий гнилого феодализма. Было там, много кое-чего полезного было! Археологическая наука повсюду из пепла и обломков пытается реконструировать чужую даже старину, восстанавливает из забвения имена мертвые и остывшие, а у нас нередко бульдозерами сгребается, в щебенку дробится своя, родная, — стираются из памяти — теплые и живые. История изучается не только для образованности, великие гробницы живым нужны, чем мертвецам. Это они властно связывают поколения круговой поручкой, зовут на повторенье отцовского подвига, кладут узду на иную неустойчивую совесть, трезвят хвастливое удайство, укрощают приступы административной эйфории! Надо почаще, не только в грозу доставать, проветривать некоторые спасительные святыньки из подразумеваемого сундука: чтобы время да моль всядная не поточили. Без понимания этих истин можно наделать уйму неправильных поступков в стиле рекордов, поведенных Достоевским во сне Раскольниковом!.. Все перечисленное здесь жизненно необходимо для нации, замыслившей совершить восхождение на величайшую, нинем пока не покоренную вершину.

*Из выступления Леонида Леонова по радио.*

Леонид ЛЕОНОВ.



## ПЕСНЯ- СИГНАЛ

Музы не молчат никогда. Они никогда не были и эхом пушечного грома. В конечном счете они всегда были врагами войны.

На нашей звуковой странице — песни предупреждающие, песни-сигналы, песни-протесты, брошенные навстречу бомбам, напалму, снарядам.

Эти песни звучат по-разному. Ибо складывались людьми, живущими за тысячи километров друг от друга — в разных странах.

Один прислушивался к шелесту моря... Но:

Парень, который пел разные песни,  
теперь должен петь только одну:  
тата-та-та-та.

Он теперь во Вьетнаме  
и играет на инструменте, у которого одна  
мелодия:

тата-та-та-та.

У него нет больше друзей,  
а вокруг падают люди.

Он не вернется больше на родину.

У него нет больше сердца в груди.

Вместо сердца — медаль.

...Другой слушает грохот надземки, пронсящей среди небоскребов... Но:

Барабаны продолжают бить,  
Солдаты продолжают умирать,  
Женщины продолжают плакать,  
А война все продолжается.

Политиканы продолжают лгать,  
Священники молятся о мире,  
А война все продолжается.

Она кончится тогда, когда  
Войска уйдут с чужой земли.

...Третий слышит стук собственного сердца:

Мистер Президент!

Вы сказали, что Америку надо защищать,  
Но почему-то мы нападаем на крестьян.

Мистер Президент!

Мы идем по дорогам, которые все ведут  
К Дьен Бьен Фу.

Мистер Президент!

Что делать освободителям, которых  
Так ненавидят?

У всех ритмов общий знаменатель — тревога за судьбу человечества. В одной точке планеты — во Вьетнаме — наружу вырвалась опасная магма войны. Вулкан надо погасить, этого требуют и песни.



## ЯКОРЬ В ОТКРЫТОМ МОРЕ



В Мурманске к моей затее высадиться на остров зимой отнеслись скептически. Сразу же поинтересовались реакцией моего организма на простудные заболевания, а главное — временем, которым я располагаю.

Я не мог вспомнить, сколько раз в прошлом году болел гриппом, а насчет времени намекнул, что его у меня достаточно.

В море узнал, что это был последний корабль, который вез на маячную землю овощи, топливо для движка и кинофильмы.

Повезло! Десять часов хода, а потом... День за днем болтались мы на рейде маяка, но подойти к нему не могли. Десятиметровые волны обрушивались на остров.

На четвертые сутки ветер немного стих и прозвучала команда: «Выгрузаться!»

Шлюпка отвалила от судна.

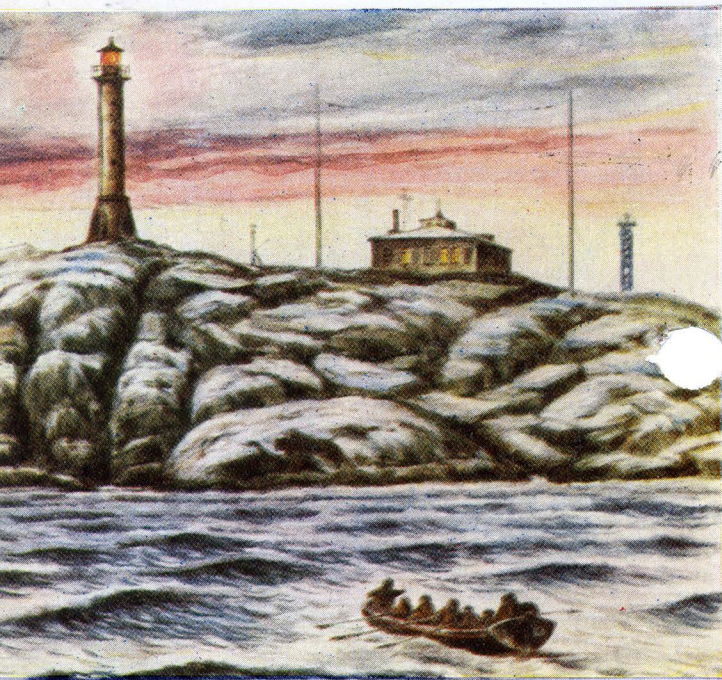
...Стоит в море остров: маяк, агрегатная, баня и три дома. И вокруг, куда ни глянешь, Баренцево море встречается с горизонтом.

Идут корабли: торговые, рыбацкие. Идут мимо.

Первыми встречают, последними провожают их маяки. Корабли никогда не отдают швартовы у маячной земли. Их ждут другие порты, много-

голосые, удобные, без ветров и штормовой волны...

Суда, на которых Виктор Некрасов ходил многими морями и океанами, тоже держались подалеже от маяков. И он, как большинство его товарищей, не задумывался о жизни смотрителей. Виктор очень удивился, когда однажды ему предложили поехать на маяк старшим техником.



Отказываться не стал. Надо попробовать. Маяк тоже вроде корабля: на вечном якорю.

Вскоре Виктор высадился с женой и дочкой на свой новый корабль с необыкновенно длинным названием — Остров Большой Олений Русский. А тут прибыл и Геннадий Ивонинский, тоже всей семьей. Геннадий попал в эти края из-под Кирова.

Оба семейства быстро обжились на новом месте. Так бывает, когда люди заняты делом. Иждивенцев нет. Жены наравне с мужьями несут вахту. Пятилетняя Таня нянчит двухлетнюю Олю. У малышки забот не меньше: усмотри-ка за каждой куклой.

Местное «грузо-такси» Серый — ветеран маяка. Лет пятнадцать назад, совсем молодым, высадили его на остров вместе с санями, забыв подковать. Вот и хромает он по острову, но всегда готов помочь: подвести ли к дому дрова или инструмент к агрегатной.

Так трудятся все на маяке, чтобы светил круглые сутки кораблям: и своим и иностранным, чтобы не случилось беды у Кольских берегов.

Застогнув на южную сторону телогрейку — от северного ветра, идут люди на вахту. Это просто. Другое не просто: изо дня в день ждать, что однажды осторожно подойдет твой корабль, спустит шлюпку, и ты получишь запоздалое письмо, газеты, которые все из вчерашнего дня.

Каждые семь минут в эфире звучат позывные маяка Большого Оленьего Русского — ОР.

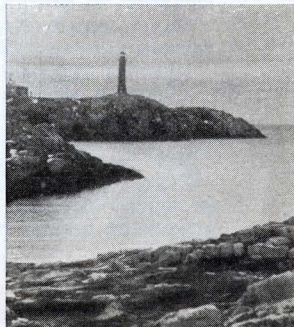
Мои знакомые островитяне умеют ждать и провожать корабли. А это гораздо труднее, чем сменить в маяке перегоревшую лампу.

Г. ЦЕПУЛИН,  
специальный корреспондент «Кругозора».  
Баренцево море.

**Корабельный сигнальщик: «Благополучной высадки».**

**Капитан Геннадий Михайлов сделал рисунок маяка Острова Большой Олений Русский. Земля, где не швартуются корабли.**

**Фото автора.**



таши её!



Виктор БОКОВ ● Фото Л. Лазарева.



тому как для него эта драгоценная подушечка — опять таинство, талисман, вера в удачу.

Где-нибудь на подмосковном озере Сенеж начнет один счастливец таскать рыбку за рыбкой, как тут усидеть тем, у кого нет поклевки.

И обязательно найдется кто-нибудь постелее, и подойдет, и спросит:

— На какую мормышку ловишь?

— На обыкновенную.

И уйдет любопытный к своей невезучей лунке, не раскрыв тайны удачливого соседа, и сам примется колдовать над черной глубиной воды.

Тончайшие нейлоновые лески, изящнейшие поплавки, сверхчувствительные кивки и сторожки дающие знать, что рыба подошла к мормышке; зимняя рыбалка ювелирна — и в снастях, и в умении рыбакова вызвать в полудремлющей рыбе желание схватить мормышку с мотылем.

Когда на тонкой паутинке нейлона заходит пойманная рыба, лицо рыбака озаряется радостью и надеждой; тогда исподволь, как бы уговаривая, тащит он добычу, и леска его звенит и поет!



Рыбалка? Зимой?

Кто не слышал подобных вопросов от людей, не посвященных в таинство зимней ловли! Таинство? Эх куда хватил! А я стою именно на этом высоком слове. Ибо что, как не таинство — часами сидеть над лункой и ждать, когда клонет?

Ни мороз, ни ветер, пробивающий самые теплые полушубки и самые надежные, надетые сверху плащи, не могут прогнать со льда истинного рыбакова-любителя. Сколько я видел их на своих путях и перепутьях! Скупой Пушкина так не любовался золотом, как иной рыбаков любит собиранием своих мормышек, приколотых чаще всего на подушечку из пористой резины или паучка. Попроси у него денег — даст, попроси хлеба — поделится, а вот даст ли он мормышку из своей рабочей коллекции — тут я не уверен. По-



---

Николай УШАКОВ

## полет валькирий

Я на последней каменной границе  
пространствам всем,  
всем временам на страх  
лежу в горах,  
и женщина мне снится:  
на шлеме — крылья,  
тяжкий меч в руках.  
Там, за проливом,  
под мотив бравурный,  
где в полночи  
развалин силуэт,  
с такой красотой  
пройтись недурно  
при вспышках осветительных  
ракет.  
За океаном,  
чтобы все видали,  
недурно с ней пройтись,  
да вот беда:  
мой танк  
на Мамисонском перевале  
со мною вместе  
спекся навсегда.  
И я лежу,  
безрукий и безглавый,  
и снится мне:  
кричат «Скорей!», «Скорей!».  
Я на столе...  
Пинцеты слева, справа  
железо отделяют от костей.  
И я встаю,  
иду я по Европе,  
по Африке  
и Азии иду.  
А ветер подгоняет,  
снег торопит.  
И кажется,  
опять я упаду.

---

Виктор ГОНЧАРОВ

Давно то было —  
Было в было.  
Расстался ночью  
Казак с седлом.  
Упал казак  
У ног коня:  
Мой коню верный,  
Слушай меня.  
Лети в станицу  
К жене скорей,  
Пускай не плачет,  
Скажи ты ей.

Не стоит плакать.  
Пусть, мол, не плачет.  
Был ей неверным  
Ее казаче.  
Любил другую,  
Делил с ней ночи.  
Пусть, мол, слезами  
Не портит очи.  
Ее неверный  
Седельце кинул.  
И в ночь канул,  
Из войска сгинул.  
Не плачь,  
Скажи ей,  
Мол, не вернется.  
Пусть ей счастливо  
С другим  
Живется.

---

Владимир САВЕЛЬЕВ

Забыв о морали и твердых устоях,  
как будто бы вниз  
по наклонной скользая,  
они нам нередко прощают такое,  
чего б никогда не простили друзья.  
Любимые!  
Ими краса и наряды  
приносятся в жертву негромкой  
любви.

Они и на гибель пойдут  
с полувзгляда,  
лишь время и место ее назови.

---

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Кончается время ошибок,  
все входит в размеренный ритм.  
И только по-прежнему зыбко  
настольная лампа горит.  
Все кажется мне, что оттуда,  
где яркий звенит волосок,  
мое долгожданное чудо  
высокий подает голосок.  
Ударится в плотные двери  
дождя серебристая нить,  
и я наконец овладею  
таинственным даром творить.  
И будет с души моей поднят  
тот камень, лишавший надежд.  
И нежная выпуклость полдня  
носнется трепещущих вежд.  
И утро услышится, словно  
ожившее после грозы.  
И явится вешнее слово,  
простое, как капля росы.

---



Года три назад, весной, я пробожал в Праге нашу туристскую группу. Мои товарищи уезжали домой, а я оставался еще на неделю. Я был счастлив тогда: прожить одному в Праге целую неделю, избавиться наконец от всевозможных экскурсий, поездов на автобусах, просто побродить между домов и людей, погладить в пражских пивных, поглядеть на чужую жизнь — это ли не счастье?

Но когда поезд ушел, когда отзвучали последние русские слова, выкрикнутые мне из окон вагона, когда я остался один, такая тоска вдруг сжала мне сердце и так захотелось и мне домой! Я вспомнил, что у нас тоже май, в лесах зацвели ландыши, черемуха благоухала в сумрачных росистых оврагах...

Я медленно шел среди толчеи Вацлавской площади, среди рева бесчисленных автомашин, мимо замечивых витрин, мимо ресторанов и отелей, пробрался сквозь разноязыкую речь, сквозь разноплеменные лица, а душой был дома, в России.

Вспомнил я, как поехал в первый раз на Оку, в Поленово, к моему другу Федору Поленову — внуку знаменитого художника. Был тогда апрель, Ока разлилась настолько хватало глаз, парило, по берегам булькала, бормотали ручьи, синий снег еще держался по глубоким оврагам. Побывал я потом и в Тарусе, поднялись мы с другом на моторке до реки Угры, мимо Егнышевки, Марфина, мимо Алексина, мимо Трубецкого, мимо всех тех мест, где жили когда-то или просто бывали и Чехов, и Толстой, и чуть ли не все русские художники. Грачи орали над пашнями, трактора уже кое-где ползали по верхушкам холмов, река совершала свой величавый медленный ход, облака жемчужно отражались в воде, а по вечерам загорались костры рыбаков и бабенчиков, и синие дымки стелились над голыми лозинами ив, торчавшими из воды. Так счастлив был я тогда, что вот уж почти десять лет прошло, и много рассказов написал я про Оку, а забыть того времени не могу и не забуду, наверное, вовек.

Вспомнил я и о том, как впервые попал на Север, как увидел Двину во всем ее размахе, в широте главного рукава дельты, увидел неисчислимые пароходы, стоявшие на якорях по всему фарватеру — от Исакогорки до Соломбалы, увидел буксиры, моторки, ка-

тера, буи, боны, пирсы, пристани, ледоколы, спасатели, шхуны в тонких паутинках снастей, масляные пятна на воде, пространство вширь и в высоту, светлую, красивую издали линию домов, растянувшуюся на двадцать или на тридцать километров, тянущиеся к аэродрому на Кеч-острове самолеты, портовые краны, горы угля на левом берегу... И все это открылось передо мной сразу, захватило меня врасплох.

Потом всю ночь я плыл на пароходе из Архангельска, долго не спал, ходил по пустой палубе, ждал морской качки. Но не было качки, сияла низкая багровая луна, у борта мерцали, вспыхивали зеленые искры в воде, а широкая лунная дорога тянулась до горизонта и там растворялась в блистающем марево.

А когда проснулся утром, пароход давно уже стоял в Пертоминске, на пристани была суета, катили бочки с селедкой, что-то грузи-

рок посвистывает в окне, и ты минуешь или оставаешься в разных городках. Какая старина и какая щемящая душу русская история окружает тебя везде! Памятники недавней горькой нашей славы, братские могилы на подступах к Москве, и тут же рядом какая-нибудь древняя церквушка, какой-нибудь Спас на Крови...

Едешь и едешь, и нет конца пути, а позади уже и Клин, и Калинин (бывшая Тверь), Торжок, Вышний Волочек, Валдай... А уж близки Новгород и Псков — места древнейшие, начало нашей Руси.

И думаешь: великое счастье подарил тебе судьба — быть писателем, ездить, думать, напитываться духом Родины, чтобы потом поделиться своей радостью со всеми, кто захочет тебя услышать.

По сторонам березовые перелески, на полянах трава по грудь, цветы, дует ровный ветер, медленно плывут облака. И догоняют тебя и едут навстречу такие же, как и ты, счастливы, так же вздаившие красоты, и имя им легион!

Выйдешь летним днем на шоссе, и покажется тебе вдруг, что вся Россия поднялась в дорогу — мчатся мотоциклы и мотороллеры, машины всевозможных марок, автобусы, едут люди с рюкзаками, с палатками, с удочками... А какое столпотворение на реках! Моторки, байдарки, яхты под парусами, плоты, какие-то допотопные карбасы — все движется, быстрее и медленнее, всеобщее счастье, я бы сказал даже, какое-то упоение, наслаждение рекой, боем соловьев, плеском рыбы, старинными усадьбами и церквами, которые нужно обязательно осмотреть...

А еще я думал о тех местах, где не был, и завидовал сам себе. Мне это все предстоит! Мне предстоит еще пожить в Армении и в Тбилиси, в дельте Волги, пройти вдоль берегов древнего Крыма, побывать в Якутии и на Алтае — да мало ли где!

Великая у нас страна!

Так думал я в Праге, так успокаивал я себя мыслью, что не век мне здесь вековать всего неделю, и мне уже жалко было всех, кто долго живет вдали от Родины. А едва приехал потом в Москву, едва огляделся, укатил потом на Север, в Архангельск, вместе с поэтом Евгением Евтушенко, и, помимо, мы чуть с ума не сошли от запаха смолы на палубе зверобойной шхуны, от белых ночей, от северного говора, от мысли, что у нас месяц впереди — месяц солнца, океана, охоты, поэзии и труда.

## Воспоминание

Юрий

КАЗАКОВ

## о России

ли и выгружали, кричали, махали друг другу. Завывали лебедки, туда и сюда поворачивались стрелы, и какой же запах охватил сразу меня — запах моря, соленой рыбы, дерева, мокрых опилок, смолы, перегорелого угля, сколько вокруг было палуб, рубок, мачт, и какой был к северу за угорьями, за выходом из Унской губы, глубокий морской простор!

Сколько же раз ездил я потом туда, забираясь в места невиданные! Сколько было там у меня охот на глухарей, сколько половил я семги с рыбаками, какие ледовые картины открывались мне зимой в Белом море на зверобойном промысле или летом у Новой Земли и в Карском море!

Вспомнил я и наши российские просторы, наши дороги. Хороша дорога, протяженность, разворачивающиеся перед тобой все новые и новые пространства. Выезжаешь пораньше из Москвы, бензину полон бак, мотор ровно гудит, вете-

Коралловые рифы часто оломом обступили Барбадос. Только на волне, подгоняемой пассатом, можно проскочить мимо грозных сторожевых башен.

Но они не уберегли остров от шнырявших в Карибском море испанских конкистадоров. Им он обязан своим названием — Барбадос, что значит «бородатый». Фиговые деревья, на которых лохматые гроздьи плодов висают, как бороды, придают причудливый вид затерянному в океане клочку суши. Он долго был необитаем, пока в 1609 году на его песчаных отмелях не объявились англичане. Они приплыли на корабле «Оливковая ветвь», однако ни мира, ни благоденствия с собой не принесли.

Поначалу, как всякий приезжий, вы попадете в столицу Бриджтаун. Но как ни живописны обрамленные пальмами улицы со старомодными особняками колониальной эпохи, как ни очаровательна га-

вань со шхунами, как ни экзотичны полицейские в шароварах, напоминающих колокол, и в соломенных шляпах времен Нельсона, отправляйтесь в недалекую прибрежную деревушку. И лучше пешком или в крайнем случае на велосипеде.

Неторопливый путешественник увидит печальные свидетельства британского владычества. Первые поселенцы еще только строили бамбуковую деревушку Хоул, а из Африки уже плыли под парусами каравеллы, набитые черными невольниками. Не все суда достигали берегов. Их терзали штормы, их брали на абордаж корсары Дрейка и Флинта, легендарных пиратов.

Рабы не сдавались. Развалины древних поселений Аравак, выбоины от пуль на стенах церкви святого Джона, где находится могила Фердинанда Палеологаса, потомка византийских императоров, пе-



# Б \* А \* Р \* Б \* А \*

За чертой горизонта



*Слушайте на звуковой странице: Барбадос — далекий, поющий, танцующий.*



чальные песни негров и мулатов — все напоминает о далеких трагических событиях. В 1876 году обитатели острова попытались вырваться из английских цепей. Через шестьдесят лет они снова подняли восстание, искры его перекинулись на все земли британской Вест-Индии. Но силы были неравны. Памятник адмиралу Нельсону появился на острове раньше, чем в Лондоне.

Держа путь в прибрежную деревушку, непременно загляните в замок Лорда Сэма, разбойника Сэма, как прозвали его местные жители. Ложными огнями он заманивал на рифы суда, которые искали воды и пристанища, а черные слуги его, вооруженные ножами, завершали вероломство.



Вот так же три с половиной века обирали англичане островитян, гнувших спины на хлопковых полях и в рощах сахарного тростника. В метрополию уплывало богатство: нефть, сахар, хлопок, меласса. А барбадосцы нищенствовали.

Но при всей своей бедности жители деревушки, до которой вы наконец добрались, пригласят вас в хижину, крытую пальмовыми листьями. И обязательно угостят приготовленным на углях блюдом из зеленой черепахи — говорят, отведавшие его ощущают прилив смелости. А потом, обнеся гостей своим знаменитым ромом, хозяева исполнят для вас калипсо. Барбадосцы очень музыкальны и готовы всегда петь. Но так темпераментно, как Лорд Сиверс, никто, пожалуй, калипсо не исполняет.

Если бы вы оказались на острове в ночь на тридцатое ноября прошлого года, то, верно, оглохли бы от оркестров и песен, ослепли бы от ярких огней фейерверка. Бар-



# Д \* О \* С

бадос ликовал и веселился: долгожданная независимость обретена!

Только не думайте, что с этой минуты жизнь потомков африканских рабов станет сплошным праздником. Премьер-министр доктор Эррола Барроу, бывший летчик, вернувшийся на остров после войны, в первой же речи напомнил о проблемах и заботах, которые предстоит преодолеть народу и правительству нового государства в Атлантике.

Легко дышится на острове. В тропические рощи и бамбуковые хижины несут прохладу пассаты, дующие в Карибском море.

Б. МИХАЙЛОВ,  
специальный корреспондент  
«Кругозора».

слушайте  
в  
номере:



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ



ИЛЬФ

1. «Песня в моей жизни» — рассказывает Ж. Торез-Вермерш. Интервью корреспондента «Кругозора» А. Гальперина.

2. Плакат времени. Песня-сигнал: Вьетнам! Дин Рид. «Песня о Вьетнаме» (США); Райнер Шёне. «Мистер Президент» (ГДР); М. Лузини, Ф. Мильяччи. «Жил-был парень, похожий на меня» (Италия) — исполняет Джанни Моранди.

3. Д. И. Блохинцев. Производство познания (монолог физика). Звуковую страницу подготовил В. Тamarin.

4. У микрофона Леонид Леонов.

5—6—7. Музыкальная панорама Еревана: оркестры, народные песни. Эстрада: «Кольбельная моему городу» (А. Тертерян, А. Вердян); «Память» (А. Бабаджанян, Р. Рождественский). Поют Б. Дарбинян, Ж. Татлян.

8. Позывные — ОР. Звуковая новелла.

9—10. Наши премьеры. «Птицы». Р. Майоров, А. Ольгин; «Грусть». В. Шеповалов, К. Рыжов; «Солнечная баллада». В. Пажлаков, Л. Лучкин; «Ноктюрн». А. Кублинский, Г. Бейлин. Исполняют М. Кристаллинская, А. Горохов, Л. Мондрус и вокальный квартет «Аккорд».

11. За чертой горизонта. Барбадос — далекий, поющий, танцующий.

12. Шесть минут танцевальной музыки. А. Тартаковский. «Босса-нова»; Б. Савельев. «Попрыгунья». Исполняют инструментальное трио, квартет «Улыбка» и эстрадный ансамбль.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Издатель:  
КОМИТЕТ  
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ  
И ТЕЛЕВИДИЮ  
ПРИ СОВЕТЕ  
МИНИСТРОВ СССР

На первой  
странице обложки:  
Плакат  
А. Гамбурга.  
На четвертой  
странице обложки:  
Вулкан заговорил.  
Фото  
В. Гиппенрейтера.

Режиссер  
Н. С у б б о т и н.  
Художник  
В. Щ а п о в.  
Технический  
редактор  
И. Ш и ф р и н.

РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакция:  
Москва, Пятницкая, 25.  
Телефоны  
редакции:  
В 3-73-94, В 3-74-59.

Б 04510. Под. к печ.  
22/III 1987 г.  
Формат бум. 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.  
Тираж 250 000 экз.  
Зак. 850.

Ордена Ленина  
типография  
газеты «Правда»  
имени  
В. И. Ленина.



«1001 день, или новая  
Шахразада».



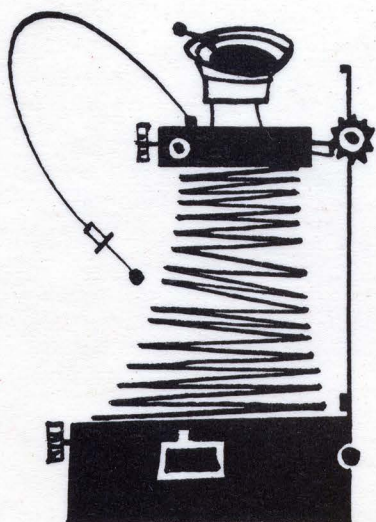
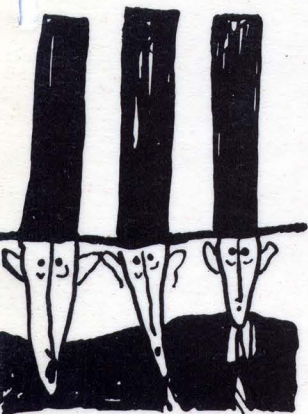
«Тов. Кретищенко».



«Профессор поэзии».

# ДИЛЕТАНТ

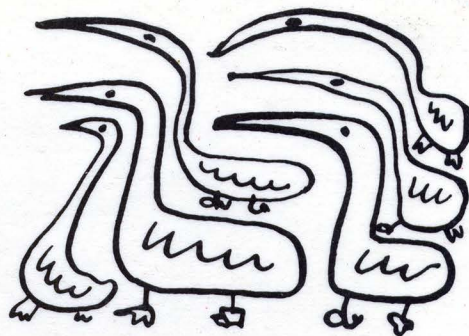
Рисунки и фотографии  
Ильи Ильфа.



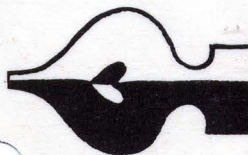
«Каждый человек  
благороден только  
в своей среде».

Ильф ничего не мог делать бесстрастно. «Фотографирование было для Ильфа еще одним способом поглубже залезть в делишки этой планеты»,— вспоминал Виктор Ардов. А Евгений Петров грустно говорил: «Было у меня на книжке восемьсот рублей и был чудный соавтор. Я одолжил ему мои восемьсот рублей на покупку фотоаппарата. И что же? Нет у меня больше ни денег, ни соавтора... Он только и делает, что снимает, проявляет и печатает. Печатает, проявляет и снимает...»

В объектив скромной камеры Ильфа попадало непомерно много: родные и друзья, товарищи по перу, проходившие мимо люди, уличные сценки, острые ракурсы обычных и необычных предметов.



«Стюэтки».



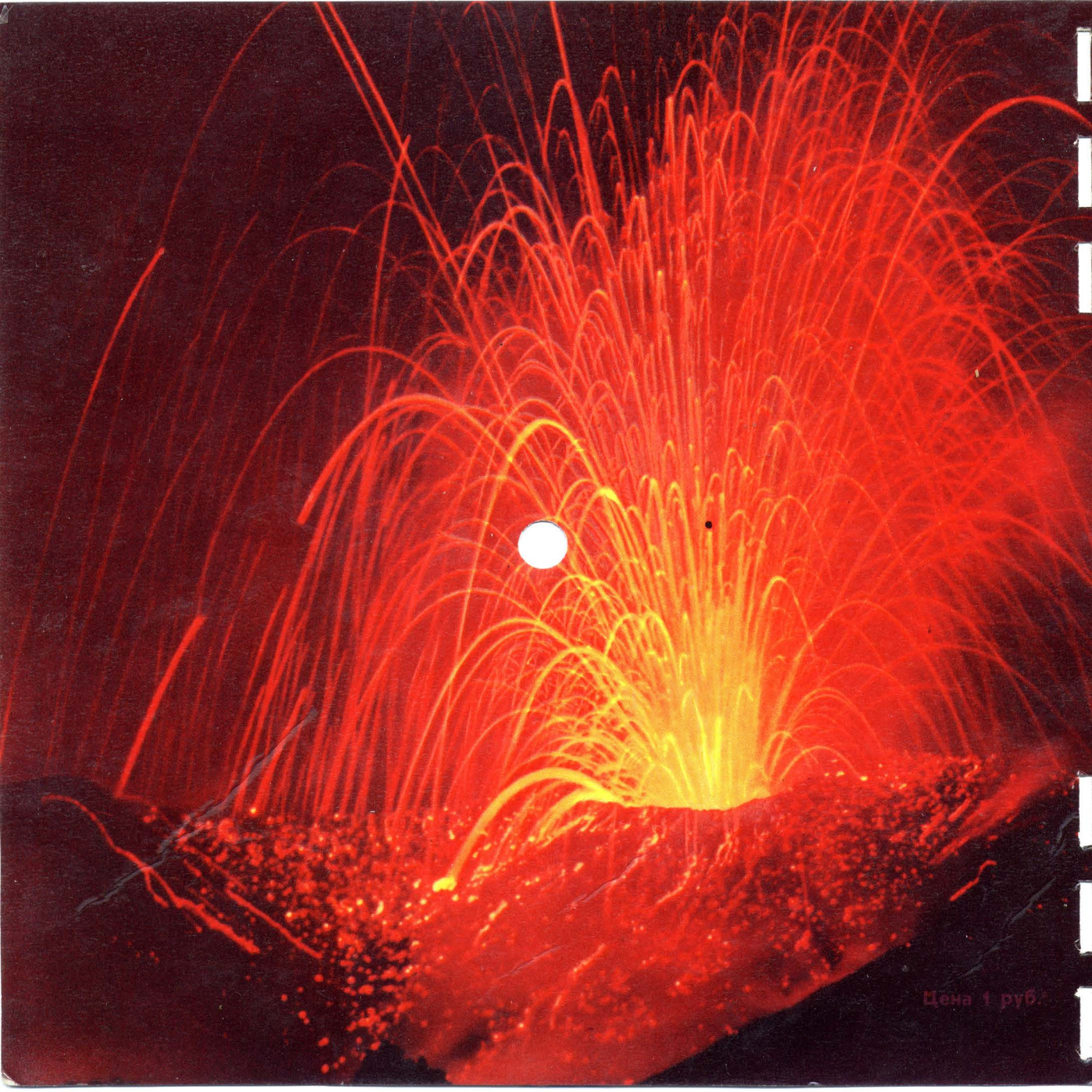
То, что Ильф не успевал «запомнить» фотографически, он рисовал. И эти смешные, тонкие и острые рисунки были его второй записной книжкой.

Странички из записной книжки перед вами. Познакомьтесь с частицей малоизвестного наследия Ильи Ильфа.

И. ГРОМОВА.

«За срастанье со  
львами —  
царями  
пустыни».





Цена 1 руб.